

Народные артисты СССР

А. К. Тарасова

В истории живописи есть один не очень часто встречающийся тип художника, творчество которого идет от «картины» к «картине»: все, что он пишет между этими творческими вехами, все его рисунки, портреты, пейзажи, как ни любопытны и ни талантливы они сами по себе, оказываются, в конце концов, лишь подготовительными этюдами для большой «картины». Своей творческой значительностью, своей художественной законченностью «картина» обязана этим этюдам: если б не было работы над этюдами, не было бы «картин». Но для зрителя, стоящего перед картиной и отдавшегося всецело впечатлению от нее, все этюды поглощены картиною, от которой зритель и хотел бы, да не может оторваться: так сильно и глубоко производимое ею впечатление!

Такой «картиною» для А. К. Тарасовой оказалась «Анна Каренина».

А. К. Тарасова много и удачно играла и до этой роли. Дездемона («Отелло»), Соня («Дядя Ваня»), Грушенька («Братья Карамазовы»), Елена («Дни Турбиных»), Параша («Горячее сердце»), Негина («Таланты и поклонники»), Татьяна («Враги» Горького) — это все значительные, продуманные работы, в которых вложено не мало мастерства, таланта и подлинной театральной культуры. Иные из этих работ радовали кристальной вдумчивостью:

А. К. ТАРАСОВА

когда вспоминаешь простую, грустную, такую будничную и вместе такую трогательную Соню, какую давала Тарасова, — невольно восклицаешь: как это по Чехову! Какие верные взятые пропорции тонкого реализма и правдивой лирики! Другие из этих работ привлекали психологической значительностью, придававшей образу, созданному Тарасовой, внутреннюю достоверность (Негина в «Талантах и поклонниках»).

Последняя работа Тарасовой до «Анны Карениной» — актриса Татьяна во «Врагах» Горького — была едва ли не лучшим на советской сцене воплощением этого трудного образа женщины, стоящей на распутье между двумя лагерями непримиримых «врагов»: «двух станов не боец, а только гость случайный». Татьяна была так раскрыта Тарасовой, что зритель верил, что недалеко то время, когда она перестанет быть «гостем случайным» в том молодом «стане», которому принадлежит будущее.

Все эти и многие другие работы Тарасовой, повторяю, радовали зрителя то одной, то другой стороной своего творческого бытия.

Но Тарасова сыграла «Анну Каренину», — и все эти работы оказались лишь подготовительными этюдами к этой большой картине.

Общее впечатление от Тарасовой в роли Анны Карениной, по-моему, превосходно сумела выразить другая артистка другого театра и совсем другого поколения:

«Меня особенно пленила Тарасова. Не скажу, чтоб она сразу захватила меня. Когда открылся занавес и я увидела артистку, я не сразу узнала тот образ, который уже был в моей душе, но, чем больше она раскрывала передо мной всю глубину переживаний, страданий женской души, всю сложность психики, данной Толстым, тем ближе и дороже она становилась мне с каждой новой сценой. Я восхищалась ею сгорающей, трепещущей от страсти, замученной условиями и лицемерием окружающей ее жизни,

А. К. ТАРАСОВА — Татьяна
(«Враги»)

протестующей и мстящей своею смертью за разбитую жизнь и бесправное рабство женщины. И все это передано с необыкновенным женским обаянием, без фальши, просто, глубоко, трогательно, без криков. Чудесная артистка...».

Эти строки принадлежат А. А. Яблочкиной и были помещены в газете МХАТа «Орковец» (№ 14) в ее горячей статье «Спасибо театру». Яблочкина верно указала, что в Анне, созданной Тарасовой, она не сразу узнала тот образ, который уже был в ее душе. Это «не сразу» разделяют, вероятно, все видевшие Тарасову в роли Анны Карениной. В том-то и состоит трудность для артистки играть эту роль, что каждый, идя в театр, идет со *своей* соотнесенной Анной Карениной, давным-давно сложившейся в мыслях и почитаемой каждым за единственно подлинную, за единственно толстовскую Анну. Эта, своя у каждого, Анна построена в мыслях зрителя, на прочном основании всего романа Толстого, со всеми неисчерпаемыми богатствами его мысли, психологического анализа, жанровых сцен, пейзажа и т. д. и т. д.

Тарасовой предстояла труднейшая задача побороть в мыслях каждого зрителя его соотнесенную Анну, создавшуюся годами, и заменить ее той Анной, которую артистка привела с собою на сцену.

Яблочкина прекрасно показала, как Тарасова достигает этого. В начале, в середине или к концу спектакля, но зритель расстается со своей Анной и становится лицом к лицу, чувством к чувству с тою Анной, которую видит на сцене.

Это большая победа. Так побеждать может только тот художник, кто создал **картину**, глубокое и прочное произведение долгих дум и многих усилий, а не просто написал талантливыи этюд, ласкающий своими красками, останавливающий внимание ловкостью рисунка, но не задевающий глубоко чувства и не пробуждающий длительной мысли.

Простота — драгоценное свойство и композиции и колорита картины, созданной Тарасовой. Самыми покоряющими сценами в ее исполнении оказываются именно те эпизоды романа, которые чужды всякого внешнего драматизма (напр. объяснение с Вронским на террасе, две-три фразы, обращенные к горничной Аннушке). Этот драматизм изнутри, — это страшное в простом, мучительное в обыденном, — в высокой степени присущ Толстому, — и Тарасова на нем строит весь образ Анны Карениной.

Это — в полной мере реалистический образ, — и это не мешает ему быть поэтическим. Он исполнен неподдельным «лирическим волнением», — и оно передается зрителю, охватывая его с большою силою.

Над вымыслом слезами обольюсь... Эту радость Пушкин включил в число истинно человеческих «наслаждений», доступных «меж горестей, забот и треволнения». Эту высокую радость Тарасова дает зрителям, переполняющим театр в вечера представлений «Анны Карениной».

Прекрасное дарование Тарасовой и высокая культурность ее работы позволяют надеяться, что из творческой мастерской Тарасовой выйдет еще много превосходных картин, столь же богатых внутренним содержанием и внешним мастерством, как Анна Каренина.

С. ДУРЫЛИН.

А. К. ТАРАСОВА — Негина
(«Таланты и поклонники»)

А. К. ТАРАСОВА — Анна Каренина